

М.Л. Бутовская^{1,2}, В.В. Левашова²

¹*Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр., 32а, Москва, 117334, Россия
E-mail: butovsk@ors.ru*

²*Центр социальной антропологии
Российского государственного
гуманитарного университета
Миусская пл., 6, Москва, 125267, Россия
E-mail: vallev@mail.ru*

СКОРОСТЬ ДВИЖЕНИЯ И ЯЗЫК ТЕЛА ПЕШЕХОДОВ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА: ЭТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Введение

Тело является важнейшим объектом исследования современных антропологов. Вопросу о половых различиях во внешнем облике человека посвящено значительное число экспериментальных и полевых наблюдений [Grammer, 1995; Hume, Montgomerie, 2001; Thornhill, Gandestad, 1999]. Движения, позы, мимика человека в русле этологических работ анализировались с эволюционных позиций [Eible-Eibesfeldt, 1989; Бутовская, 1999; Ekman, 1982]. В итоге стало очевидным, что многие характеристики невербальной коммуникации присутствуют в поведении людей самых разных культур и могут считаться универсальными (первичные эмоции; смех и улыбка; ритуалы приветствия и примирения и многое другое) [Hooff, 1972; Бутовская, Козинцев, 2002; Козинцев, 2002; Schiefen-hovel, 1997]. Многие составляющие поведения человека в современном городе становятся более понятными, если обращаться к его эволюционным истокам. В 1990-х гг. возникло и сформирова-

лось целое направление исследований — городская этология [Grammer, 1998; Eible-Eibesfeldt, 1989; Schmitt, Atzwanger, 1995], которая изучает самые разные аспекты жизни человека в городской среде: поведение в транспорте, взаимодействие мужчин и женщин в условиях массового анонимного общества, пространственное поведение в местах отдыха (парки, скверы, кинотеатры, стадионы), взаимоотношения в рабочих коллективах, в семье, с дальними родственниками и многое другое. Объектом изучения для этолога становятся экстремистские группировки футбольных болельщиков и нищие, молодежные субкультуры, группы лиц, увлекающихся экстремальными видами спорта, или рок-группы [Бутовская, 2004; Adang, 1999].

В данной статье мы хотели проиллюстрировать возможности этологического подхода при изучении одного из аспектов языка тела в городских условиях, связанного с походкой и скоростью движения пешеходов, и обсудить применимость эволюционной теории сексуальных стратегий для объяснения гендерных различий языка тела пешеходов в условиях массового анонимного общества. Рассмотрим кратко теорию сексуальных стратегий. Она предполагает, что поведение мужчин и женщин существенно различается вследствие базовых различий между полами в выборе постоянного и кратковременного партнера [Buss, Schmitt, 1993; Buss, 1999]. Мужчины стремят-

* Статья подготовлена в рамках совместного исследования Института городской этологии (г. Вена, Австрия), Института этнологии и антропологии РАН и Центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва, Россия). Руководитель исследования М.Л. Бутовская.

ся к большому разнообразию, менее избирательны и более склонны к случайным половым связям, чем женщины [Clark, Hatfield, 1989]. В зависимости от стратегии выбора (постоянного и кратковременного партнера) могут различаться его критерии. Поскольку женщины во всех случаях более избирательны, для них важно правильно определить ценность мужчины как партнера и его готовность вносить постоянный или однократный вклад в обеспечение женщины и ее потомков. Мужчины демонстрируют более высокий уровень активности по сравнению с женщинами, причем эти различия проявляются с раннего детства и, очевидно, относятся к категории врожденных [Brislin, 2000; La Freniere et al., 2002]. Для женщины важнейшими критериями при выборе постоянного полового партнера являются активность, умение постоять за себя, напористость, статус и обеспеченность [Бутовская, Смирнов, 2003; Buss, Schmitt, 1993]. Мужчина, чтобы быть избранным, должен демонстрировать хорошие физические качества, которые свидетельствуют о высокой вероятности здорового потомства. Для мужчин важнейшим сигналом служит внешняя привлекательность женщины, ее молодость и здоровье. Эти качества являются первостепенными при выборе постоянной партнерши, тогда как в случае кратковременных связей роль внешности существенно снижается, на первый план выходит доступность женщины. Каким образом теория сексуальных стратегий связана с поведением пешеходов на улицах города? Об этом мы поговорим ниже.

Можно предположить, что в эволюционном прошлом человека женщинам приходилось делать выбор между потенциальными партнерами и от него зависела судьба их детей. В этих условиях они должны были научиться идентифицировать более перспективных и преуспевающих мужчин. Важным критерием служили качества, свидетельствующие об амбициозности и предприимчивости мужчины, его умении находить пропитание и защищать женщину от опасности [Schmitt, Atzwanger, 1995].

Ряд исследователей полагает, что на ранних этапах эволюции человека умение держаться в выпрямленном положении, равно как и передвигаться на большие расстояния, могло являться объектом интенсивного полового отбора [Jablonski, Chaplin, 1993; Lewin, 1993]. В дальнейшем, на этапе формирования современного человека, примерно 35–40 тыс. л.н. мужчина прочно занял ведущее место охотника и стал основным добытчиком мяса для группы. Успешность охоты зависела от умения находить дичь, скорости движения, физической силы, меткости и ряда других качеств. Чтобы получить доступ к мясу, женщины должны были правильно определять возможности потенциальных половых партнеров и делать выбор в пользу лучших охотников [Fox, 1972]. Это остается

актуальным даже при традиции равномерного распределения добытого мяса между семьями в группе. Если такого рода предпочтения имели место, то вполне вероятно, что в популяциях первобытного человека происходил интенсивный отбор на атлетизм и скорость движения мужчин.

В группах охотников-собирателей, практикующих эгалитарные отношения, успешность вождя во многом определяется его активностью, смекалкой, умением искать и находить источники пропитания, а также щедростью и умением развлекать своих подчиненных. Именно такой портрет вождя у наибоквара, индейцев Бразилии, рисует в своей книге К. Леви-Стросс [1999]. А. Шмитт и К. Ацвангер [Schmitt, Atzwanger, 1995] предположили, что в эволюционном прошлом человека скорость движения мужчин могла служить показателем высокого статуса и перспектив в получении ценных ресурсов, поскольку она является индикатором общего уровня активности в первобытном обществе. Молодые, сильные и здоровые мужчины должны были проявлять охотничью и военную доблесть, чтобы получить возможность жениться (или взять еще одну жену). При этом скорость их передвижения служила важным залогом жизненного и репродуктивного успеха. Для женщин было первостепенно важным выявить среди потенциальных женихов самого перспективного: в процессе эволюции более успешно выживали потомки тех, кто делал правильный выбор. Разумеется, скорость движения являлась лишь одним из показателей социально-экономической перспективности мужчины (женщины, по-видимому, должны были обращать внимание на силу, физическую ловкость, интеллект и другие качества), но в своем исследовании А. Шмитт и К. Ацвангер уделяют основное внимание именно этому параметру. По мнению австрийских этологов, в современном индустриальном обществе скорость движения продолжает оставаться важным индикатором социально-экономического успеха мужчины и играть роль “истинного сигнала” для женщин в опознании ценного полового партнера. В отношении женщин аналогичная связь не должна прослеживаться, поскольку этот признак не мог нести никакой ценной информации о партнерше (ведущие критерии – красота, молодость и здоровье).

Здесь следует сказать, что многие эволюционные психологи, этологи и антропологи являются сторонниками теории сексуальных стратегий. Многочисленные исследования последних лет подтверждают ее жизнеспособность и применимость для объяснения поведения человека в современном индустриальном обществе (подробнее об этих исследованиях см.: [Бутовская, 2004]).

Свою гипотезу А. Шмитт и К. Ацвангер обосновали на австрийском материале [Schmitt, Atzwanger, 1995]. Дополнительным доказательством ее спра-

ведливости явилось отсутствие связи между скоростью и статусом для пенсионеров (69 ± 8 лет), ибр, по мнению А. Шмитта и К. Адвангера, мужчины этой возрастной категории уже не стремятся к повышению собственного статуса и, как правило, не участвуют в воспроизводстве.

Насколько данная гипотеза универсальна и каким образом могут изменяться критерии выбора партнера по характеристикам его походки в различных культурах, далеко не ясно. Хотя австрийские исследователи и выявили положительную корреляцию между скоростью движения мужчин и их статусом, возникает вопрос: продолжает ли данный показатель служить надежным индикатором в условиях, когда скорость перемещения определяется наличием и возможностями автомобиля, лодки, самолета и прочих средств передвижения. Гипотеза А. Шмитта и К. Адвангера не учитывает также и характерных особенностей многих традиционных обществ, для которых важным моментом является наследование титула и имущества. Торопливость, порывистость и быстрая ходьба могут расцениваться как признак низкого статуса и малой обеспеченности (например, в традиционных культурах Индии, Китая, Таиланда, арабского Востока и пр.) [Васильев, 1988; Малявин, 1995; Иванова, 1999; Brislin, 2000].

Означает ли это, что по движениям человека и его физическому облику невозможно определить его статус и экономическое благосостояние? Можно ли утверждать, что данные характеристики перестали служить опознавательными сигналами при выборе полового партнера в современном обществе? Вероятно, это также нуждается в проверке. По нашему мнению, на роль универсального признака для идентификации статуса и хороших жизненных перспектив может претендовать выпрямленное положение тела. По данным исследования, проведенного в США в 1980 г., лица, обладающие высоким статусом, держатся прямо и кажутся выше [Weisfeld, Beresford, 1982]. Более того, окружающие склонны расценивать тех, кто держится прямо, как более преуспевающих и социально значимых при прочих равных условиях. Хорошая физическая подготовка (спортивность фигуры) также может оказаться в условиях современного общества надежным индикатором высокого социально-экономического статуса (не случайно в последнее время среди бизнесменов и работников различных коммерческих организаций стало престижным посещать тренажерные залы, занятия по бодибилдингу, теннису, плаванию и пр.). Существенную роль в положительной оценке статуса играет также рост человека (это прежде всего верно в отношении мужчин): высоких мужчин окружающие склонны расценивать как более преуспевающих. Многочисленные исследования психологов и антропологов подтверждают данный тезис [Бутовская, 2004].

Люди обращают внимание не только на телосложение прохожих, но и на их внешность и одежду. Из всех этих характеристик складывается единый образ идущего навстречу человека. Роль одежды и украшений в обществе зависит от разнообразия окружающей среды. Связь между качеством одежды и статусом мужчины прослеживается в 10 % моногамных обществ, среда обитания которых бедна ресурсами, и в 67 % – в условиях изобилия [Low, 2000]. Что касается женщин, то в моногамных обществах, обитающих в бедной экологической среде, одежда вообще не является показателем их статуса, а в 38 % обществ в условиях богатых природных ресурсов одежда и украшения женщин служат индикатором статуса и власти их мужа или отца [Ibid.]. В современных постиндустриальных обществах, переживших сексуальную революцию (особенно в Западной Европе и Северной Америке), отчетливо проявляется тенденция к выраженной эмансипации женщин, росту общей занятости их в производстве и увеличению числа незамужних женщин брачного возраста. В этих условиях одежда у женщин, по-видимому, становится независимым сигналом их собственного экономического благополучия и успеха.

Существуют ли универсальные признаки социально-экономического статуса в современном индустриальном и постиндустриальном обществе? Каким образом культура влияет на эти сигналы, ослабляя или усиливая их? Являются ли показатели социально-экономического статуса более однозначными у мужчин, чем у женщин? Эти вопросы послужили отправной точкой для нашего исследования и определили его основные цели: выявить универсальные закономерности и кросскультурные различия в характере связи между социально-экономическим статусом пешеходов, с одной стороны, и скоростью движения, качеством одежды и осанкой – с другой.

Материалы и методы исследования

Мы измеряли скорость и общие характеристики передвижения пешеходов в условиях большого современного города в трех разных культурах (армянской, калмыцкой и русской). Армяне, калмыки и русские принадлежат к разным этносам и различаются по вероисповеданию. Полевые материалы были собраны в течение 2001 г. Прямые наблюдения за скоростью движения пешеходов проводились в рабочие дни с 10.00 до 17.00 часов при сухой теплой погоде ($t = 20 \dots 25$ °C) на участках, удаленных от туристических маршрутов и мест массового гуляния, а также от транспортных остановок и витрин магазинов. Все выбранные улицы были сходны по ширине тротуаров и высоте зданий. Плотность пешеходов составля-

ла 5–20 (Москва) и 1–7 (Ереван, Элиста) человек в минуту. Индивидуальную скорость движения измеряли на отрезке тротуара длиной 20 м при помощи секундомера. В качестве объектов наблюдения выбирали людей без багажа и без затруднений в ходьбе. В сборе данных участвовало два человека. Первый проводил этологические наблюдения, второй – анкетирование. Помимо скорости движения, фиксировали также другие предположительные индикаторы статуса пешехода: положение тела и головы, качество одежды, эмоциональное состояние. После того как конкретный человек преодолевал экспериментальный отрезок тротуара, к нему подходил второй наблюдатель с анкетой, составленной с учетом наших предположений о других возможных индикаторах статуса пешеходов, и просил дать небольшое интервью. Со слов респондента фиксировали данные о его возрасте, росте, весе, месте рождения, национальности, образовании, занимаемой должности, уровне доходов, занятиях спортом, семейном положении, месте предполагаемого назначения. По результатам интервью для каждого из опрошенных пешеходов вычисляли социально-экономический статус, представляющий собой сумму баллов по показателям образования, занимаемой должности и уровня дохода (по 4-балльной шкале). Максимальный статус был равен 12 баллам, минимальный – 3. Если человек отказывался беседовать с нами, информация по наблюдению не использовалась в дальнейшем анализе результатов.

Нами были собраны данные по 900 пешеходам (по 150 мужчин и 150 женщин в каждом из трех городов). В соответствии с целями нашего исследования в калмыцкую выборку вошли только калмыки, а в армянскую – только армяне. В дальнейшем из массива анализируемых данных были исключены студенты и пенсионеры, потому что возникли затруднения с определением уровня дохода у первой категории горожан и состояния здоровья – у второй. В итоге в анализируемой выборке оказалось 714 чел.: в Москве 122 мужчины и 110 женщин, в Ереване соответственно 130 и 124, в Элисте – 109 и 119; женщины в возрасте от 18 до 55 лет, мужчины – от 18 до 65 лет, потенциально образующие рабочую популяцию каждого из трех городов. Московская выборка содержала 2,7 % безработных, ереванская – 14,7, элистинская – 10 %.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы SPSS. Для анализа были использованы методы корреляции Пирсона (R) и ранговой корреляции Спирмена (R_s), которые позволяют определить тесноту (силу) и направление корреляционной связи между двумя признаками. Чем больше различий между признаками, тем R_s (R) ближе к -1 (отрицательная корреляция), чем их меньше, тем R_s (R) ближе к 1 (положительная корреляция) ($-1 \leq R_s \leq 1$). Различия считались достоверны-

ми ($p < 0,05$, p – уровень значимости), если вероятность того, что они все-таки недостоверны, составляла 5 %.

Достоверность корреляционного анализа, как правило, оценивалась по двухстороннему критерию, но в тех случаях, когда направленность связи была очевидно очевидна, применяли односторонний критерий. Для оценки зависимости между скоростью движения, с одной стороны, социально-экономическим статусом, возрастом, ростом, положением тела, качеством одежды, занятием спортом, направлением движения – с другой, применяли метод частичной корреляции (r) с контролем по росту, весу, возрасту. Для анализа комплексной взаимосвязи между скоростью движения пешеходов и социально-экономическим статусом, с контролем по росту, положению тела, возрасту, применяли множественный регрессионный анализ (B – стандартизованный коэффициент, $Std Error$ – стандартная ошибка, $Beta$ – стандартизованный коэффициент, T – контрольная величина, p – уровень значимости).

Для анализа двух независимых выборок по таким показателям, как положение тела, качество одежды, эмоциональное состояние, скорость движения, применяли тест Колмогорова–Смирнова (Z).

Общие характеристики пешеходов

Анализ общих характеристик внешности пешехода, включая рост, вес, положение тела и головы, качество одежды и эмоциональное состояние, в каждом из трех городов проводили для трех категорий мужчин и женщин, с низким, средним и высоким ростом, с учетом ростовых стандартов данной популяции. Распределение по росту и весу было сходным во всех трех популяциях как для мужчин, так и для женщин.

Осанка. В каждой из исследованных выборок по этому признаку выделены три группы: люди, держащиеся прямо, люди с “нормальным”, средним положением тела, сутулые, сгорбленные индивиды. Женщины держались в среднем более прямо по сравнению с мужчинами во всех трех культурах. Но достоверные различия между полами по этому показателю были получены только для калмыков ($Z = -2,68$, $p < 0,007$) и армян ($Z = -3,70$, $p < 0,000$). Выявлены некоторые культурные различия при сравнении трех выборок. Среди мужчин калмыки и русские держались более прямо, чем армяне ($Z = -4,75$, $p < 0,000$ и $Z = -4,27$, $p < 0,000$ соответственно). Между русскими и калмыками по этому показателю достоверные различия отсутствовали. Сходная тенденция была выявлена и для женской выборки: калмычки и русские, между которыми нет достоверных различий, держались более прямо, чем армянки ($Z = -3,26$, $p < 0,001$ и $Z = -2,09$, $p < 0,036$ соответственно).

Качество одежды. Количество хорошо одетых людей в трех культурах варьировало значительно. По качеству одежды армяне и русские достоверно отличались от калмыков ($Z = -3,93, p < 0,000$ и $Z = -2,36, p < 0,018$ соответственно). Оказалось также, что процент хорошо одетых мужчин и женщин может сильно различаться в рамках одной культуры. Так, например, в Элисте почти 40 % женщин были одеты лучше среднего уровня, тогда как среди мужчин хорошо одетых лишь ок. 16 % ($Z = -4,57, p < 0,000$). У армян и русских мужчины и женщины в равной мере уделяли внимание своим туалетам. Максимальное количество хорошо одетых мужчин отмечено в Ереване, а хорошо одетых женщин – в Элисте.

Эмоциональное состояние. Во всех трех выборках женщины достоверно чаще, чем мужчины, демонстрировали позитивное выражение лица. У калмыцких мужчин оно было достоверно более позитивным по сравнению с русскими и армянами ($Z = -1,94, p < 0,053$ и $Z = -2,62, p < 0,009$ соответственно), которые по этому показателю не различались. Для женской выборки достоверных различий между культурами не выявлено.

Скорость передвижения, антропологические и поведенческие характеристики представителей разных возрастных групп в трех культурах

Все обследованные пешеходы были разбиты нами на четыре возрастные группы (18–25, 26–35, 36–49, 50–65 лет). Анализировались средние показатели роста, веса, положения тела, качества одежды, скорости движения и эмоционального состояния у мужчин и женщин.

Во всех культурах выявлена отрицательная корреляция роста мужчин и женщин с возрастом и положительная – с весом, а также отрицательная между положением тела и возрастом мужчин и женщин (русские: $R_s = -0,25, p < 0,008$; армяне: $R_s = -0,37, p < 0,000$; калмычки: $R_s = -0,28, p < 0,002$).

Отрицательная корреляция между качеством одежды и возрастом наблюдалась у женщин во всех трех культурах и у армянских мужчин ($R_s = -0,19, p < 0,027$). Ни в одной культуре не выявлена достоверная связь между возрастом и эмоциональным состоянием пешеходов, как мужчин, так и женщин.

Кросскультурные сравнения по возрастным группам выявили ряд культурных различий по скорости движения, качеству одежды, осанке и эмоциональному состоянию пешеходов. Оказалось, что армянские мужчины в возрасте от 18 до 25 лет были одеты достоверно лучше русских, в трех остальных возрастных группах русские мужчины и армяне по качеству одежды не различались. Однако мы выявили достоверные

различия для мужчин в возрасте 26–35 и 50–65 лет по осанке: русские в обоих случаях держались более прямо. По скорости передвижения различались только москвичи и ереванцы второй возрастной группы: армяне двигались достоверно быстрее ($Z = -2,99, p < 0,003, n_1 = 36, n_2 = 37$).

Мужчины московской и элистинской выборок отличались друг от друга лишь в третьей возрастной группе (36–49 лет) по скорости движения и качеству одежды: русские двигались быстрее ($Z = -2,0, p < 0,05, n_1 = 35, n_2 = 33$) и были лучше одеты ($Z = -2,48, p < 0,01, n_1 = 35, n_2 = 33$).

Армяне и калмыки больше всего различались по анализируемым показателям. Ереванцы первой, третьей и четвертой возрастных групп одевались достоверно лучше элистинцев (первая группа: $Z = -2,99, p < 0,003, n_1 = 23, n_2 = 31$; третья: $Z = -2,23, p < 0,03, n_1 = 39, n_2 = 33$; четвертая: $Z = -2,00, p < 0,05, n_1 = 31, n_2 = 21$). Армяне отличались также от калмыков по осанке с 26 лет и старше: калмыки держались более прямо (вторая возрастная группа: $Z = -2,39, p < 0,02, n_1 = 37, n_2 = 24$; третья: $Z = -2,59, p < 0,01, n_1 = 39, n_2 = 33$; четвертая: $Z = -3,46, p < 0,001, n_1 = 31, n_2 = 21$). Для второй возрастной группы выявлены достоверные различия по скорости передвижения и эмоциональному состоянию: армяне двигались быстрее ($Z = -3,51, p < 0,001, n_1 = 37, n_2 = 24$), а эмоциональное выражение лица у калмыков было более положительным ($Z = -3,27, p < 0,001, n_1 = 37, n_2 = 24$).

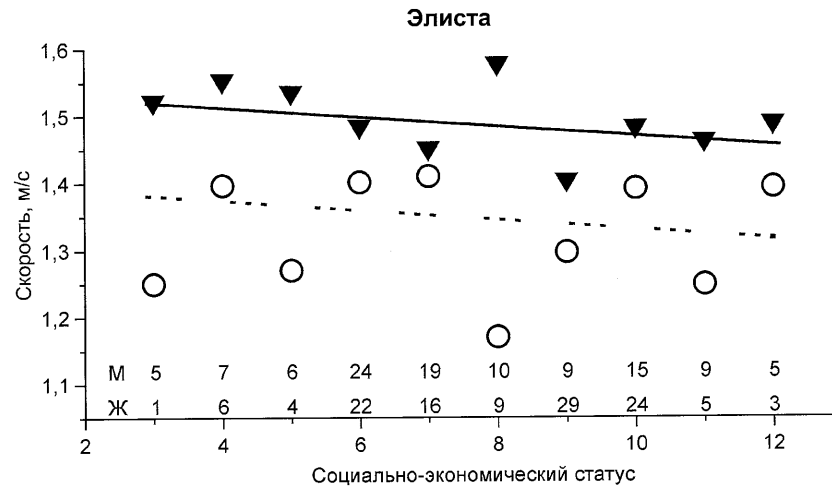
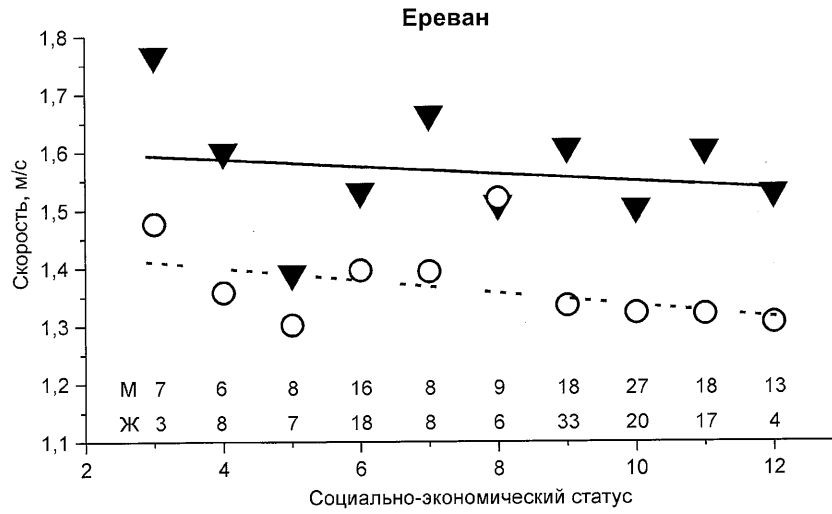
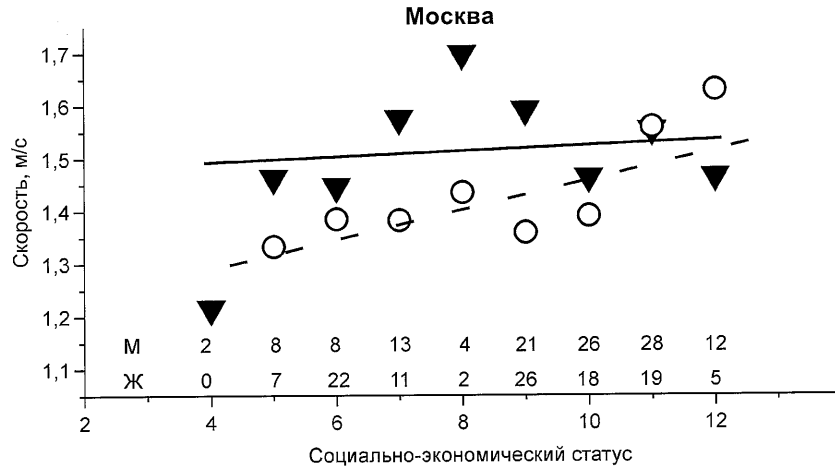
Московские и ереванские женщины в возрасте 26–35 лет достоверно отличались друг от друга по скорости передвижения: русские двигались быстрее ($Z = -2,10, p < 0,04, n_1 = 19, n_2 = 22$). В четвертой возрастной группе были выявлены достоверные различия по осанке: москвички держались более прямо ($Z = -2,64, p < 0,008, n_1 = 27, n_2 = 39$).

Московские и элистинские женщины достоверно отличались друг от друга в третьей возрастной группе по осанке и в четвертой – по скорости передвижения: калмычки держались более прямо ($Z = -2,47, p < 0,01, n_1 = 38, n_2 = 43$), а русские ходили быстрее ($Z = -2,48, p < 0,01, n_1 = 27, n_2 = 20$).

Между армянской и калмыцкой выборками выявлены различия только по осанке женщин в возрасте 36–49 лет: калмычки держались достоверно более прямо ($Z = -2,29, p < 0,02, n_1 = 40, n_2 = 41$).

Скорость движения пешеходов и обобщенный социально-экономический статус

Достоверная положительная корреляция между скоростью движения и социально-экономическим статусом выявлена только у русских женщин (см. таблицу и рисунок).

1
 2
 3
 4

Связь между скоростью движения пешеходов и социально-экономическим статусом.
 1 – мужчины, 2 – женщины, 3 – линия регрессии для мужской выборки, 4 – то же для женской.
 Для каждой группы индивидов, обладающих конкретным статусом, определена средняя скорость движения.
 М и Ж – количество соответственно мужчин и женщин данного социально-экономического статуса.

Связь между скоростью движения и обобщенным социально-экономическим статусом пешеходов

Показатель	Мужчины			Женщины		
	$\bar{X} \pm SD$	<i>R</i>	<i>p</i>	$\bar{X} \pm SD$	<i>R</i>	<i>p</i>
	<i>Москва</i>					
Скорость	1,52 ± 0,26	0,04	0,32	1,42 ± 0,23	0,25	0,004
Статус	9,18 ± 2,13	–	–	8,57 ± 2,09	–	–
	<i>Ереван</i>					
Скорость	1,56 ± 0,28	–0,058	0,256	1,35 ± 0,24	–0,103	0,13
Статус	8,42 ± 2,62	–	–	8,23 ± 2,33	–	–
	<i>Элиста</i>					
Скорость	1,49 ± 0,25	–0,066	0,247	1,35 ± 0,24	–0,06	0,26
Статус	7,52 ± 2,38	–	–	8,02 ± 2,01	–	–

Примечание: \bar{X} – средняя величина; *SD* – стандартное отклонение; *R* – коэффициент корреляции по Пирсону; *p* – уровень значимости.

На следующем этапе мы провели анализ с учетом возраста пешеходов. Оказалось, что положительная корреляция между статусом и скоростью наблюдается у русских женщин второй и третьей возрастных групп, у армянок второй и калмычек первой. В мужской выборке такая связь обнаружена только у армян 18–25 лет.

Во всех трех культурах у женщин наблюдалась корреляция между скоростью движения и выпрямленным положением тела и отсутствовала между скоростью и качеством одежды. Для мужчин связь между этими показателями не выявлена. Во всех трех культурах обнаружена тесная связь между статусом и качеством одежды как у мужчин, так и у женщин.

У русских мужчин выявлена отрицательная корреляция скорости движения с возрастом ($r = -0,26$, $p < 0,002$) и положительная – с ростом ($r = 0,14$, $p < 0,054$); у армянских отрицательная с возрастом ($r = -0,27$, $p < 0,001$). У калмыков связь между скоростью и другими показателями вообще отсутствует. В женской выборке картина иная. У русских женщин выявлена положительная корреляция скорости с социально-экономическим статусом ($r = 0,25$, $p < 0,004$), положением тела ($r = 0,23$, $p < 0,009$) и качеством одежды ($r = 0,21$, $p < 0,012$), у армянок и калмычек скорость не зависела от статуса, но была положительно связана с ростом ($r = 0,21$, $p < 0,01$; $r = 0,22$, $p < 0,008$ соответственно) и положением тела ($r = 0,22$, $p < 0,007$; $r = 0,36$, $p < 0,000$ соответственно) и отрицательно – с возрастом ($r = -0,17$, $p < 0,026$; $r = -0,25$, $p < 0,003$ соответственно).

Однако зависимость между социально-экономическим статусом и скоростью может носить не линейный, а более сложный характер. Чтобы проверить эту догадку, мы провели регрессионный анализ для каждой из исследованных групп. Для русских мужчин зависимость между социально-экономи-

ческим статусом и скоростью оказалась не прямой, а квадратичной, причем максимальная скорость зарегистрирована у мужчин со средним статусом ($B = 0,179 \pm 0,090$, $Beta = 1,46$, $T = 2,00$, $p < 0,05$). Для русских женщин эта зависимость также квадратичная, но максимальная скорость наблюдалась у женщин с высоким статусом ($B = -0,193 \pm 0,098$, $Beta = -1,74$, $T = -1,98$, $p = 0,05$), а среднему соответствовала минимальная. У армянских и калмыцких мужчин и женщин квадратичная зависимость между скоростью и статусом не обнаружена.

Скорость движения пешеходов могла зависеть от того, куда они направлялись в данный момент времени. Чтобы проверить, так ли это на самом деле, мы вычисляли коэффициент ранговой корреляции Спирмена между скоростью и направлением движения. Достоверная положительная корреляция была получена только для москвичек ($R_s = -0,29$, $p < 0,003$, $n = 104$) и армянок ($R_s = 0,15$, $p < 0,04$, по одностороннему критерию). Далее вычислялась частичная корреляция между скоростью движения и статусом пешеходов с контролем по возрасту, росту, весу и направлению движения. Она оказалась достоверной только для москвичек ($r = 0,23$, $p < 0,02$, $n = 104$).

В каждой из трех культур мы анализировали зависимость между социально-экономическим статусом и занятием спортом для мужчин и женщин, вычисляя частичную корреляцию с контролем по возрасту, росту и весу. Она оказалась достоверной только для русских ($r = 0,22$, $p < 0,07$, $n = 122$) и калмыцких ($r = 0,19$, $p < 0,06$, $n = 109$) мужчин.

Обсуждение результатов

Специалист по городской антропологии Р. Левайн предполагает, что культуры существенным образом разли-

чаются между собой по скорости жизни [Levine, 1997]. В качестве основных ее индикаторов автор использовал скорость движения пешеходов, скорость работы почтовых служащих при отправке посланий и пунктуальность в соблюдении времени назначенных встреч. Левайн проводил исследования в 31 стране, из них он выделил девять с максимальной (Швейцария, Ирландия, Германия, Япония, Италия, Англия, Швеция, Австрия и Нидерланды) и восемь с минимальной (Болгария, Румыния, Иордания, Сирия, Сальвадор, Бразилия, Индонезия, Мексика) скоростью жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что самые высокие показатели отмечены в высокоиндустриальных странах Европы и Северной Америки, а низкие – в слабо развитых в этом плане странах Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Впрочем, в пределах одной страны не всегда наблюдалась положительная связь между скоростью движения пешеходов и пунктуальностью или производительностью труда. К примеру, в девятку стран с максимальной скоростью движения пешеходов вошла Кения, а в Сингапуре и Китае этот показатель был одним из наиболее низких в мире. Таким образом, скорость движения пешеходов, возможно, является индикатором не общего ритма жизни в данной культуре, а каких-то характеристик самих людей и пространства, в котором они обитают.

Результаты нашего исследования показали, что средняя скорость движения пешеходов была самой высокой в Москве ($1,47 \pm 0,25$ м/с), средней в Ереване ($1,46 \pm 0,28$ м/с) и минимальной в Элисте ($1,41 \pm 0,26$ м/с). Такое распределение вполне согласуется с предположением о связи между размерами города и скоростью движения пешеходов [Wirtz, Ries, 1992]. Скорость движения в Москве была выше, чем в Вене ($1,43 \pm 0,19$ м/с) и в странах Центральной Европы ($1,44$ м/с). Однако, если бы мы провели исследование по двум другим показателям, использованным Р. Левайном, результаты наверняка оказались бы малоутешительными. Русские, а тем более калмыки и армяне, не отличаются пунктуальностью, свойственной немцам, или производительностью труда, как у японцев.

Аналогично данным А. Шмитта и К. Адвангера, скорость движения у мужчин в Москве, Ереване и Элисте была выше, чем у женщин, даже с учетом роста (он в среднем выше у мужчин, чем у женщин). По меньшей мере, эти данные свидетельствуют в пользу предположения о большей значимости скорости движения для лиц мужского пола. Случайно ли то, что мужчины ходят быстрее женщин, и каким образом это связано с гипотезой о корреляции между скоростью и жизненным успехом мужчин – однозначно ответить на данный вопрос в рамках настоящего исследования невозможно.

Важным представляется тот факт, что во всех трех исследованных нами культурах отсутствует линейная зависимость между высокой скоростью движения мужчины по улице и его статусом. У москвичей связь носила квадратичный характер: максимально быстро передвигались мужчины со средним статусом, а с низким и высоким – медленнее. Эти данные не могут быть интерпретированы однозначно. Одно из возможных объяснений лежит в русле теории А. Шмитта и К. Адвангера. Мужчины с низким статусом двигаются медленнее, т.к. не стремятся к экономическому успеху либо в силу определенных философских установок, либо полагая, что этот успех для них маловероятен. Мужчины с высоким статусом осознают свою значимость и стараются вести себя спокойно и неторопливо (они вообще редко ходят по улице пешком на большие расстояния, а если ходят, то в сопровождении провожатых). Мужчины со средним статусом часто достаточно амбициозны и проявляют отчетливое стремление к продвижению по социальной лестнице. В эту категорию попадают молодые люди, стремящиеся сделать карьеру. Таким образом, теория австрийских исследователей, по крайней мере, на русском материале находит подтверждение: скорость служит индикатором перспектив жизненного успеха мужчины.

Возможно, эти данные свидетельствуют в пользу существенного сходства между современным развитым индустриальным обществом и обществом охотников-собирателей по целому ряду параметров [Butovskaya et al., 2000]. И в том и в другом случае мужчины имеют все шансы добиться высокого социально-экономического статуса своими силами в течение собственной жизни. Поэтому вполне возможно, что связь между скоростью движения и статусом (или перспективой высокого статуса) у современных мужчин идентична комплексу успешности мужчин-охотников в первобытном обществе [Jablonski, Chaplin, 1993; Lewin, 1993; Fox, 1972]. Парадоксально, но факт: традиционные общества земледельцев и скотоводов существенно больше (по сравнению с охотниками-собирателями) отличаются от современных по многим параметрам социальной структуры, иерархической организации и наследованию власти.

Единственная положительная линейная корреляция между скоростью и статусом была установлена нами для русских женщин. Она противоречит данным аналогичного исследования, проведенного в Вене. В чем причина этого несоответствия? По нашему предположению, полученные результаты объяснимы в русле представлений о женской эмансипации. В России, в отличие от Австрии, большинство женщин работает, домохозяйек в Москве относительно мало, и в нашу выборку они просто не попали. Женщины с высоким

статусом из русской выборки в подавляющем большинстве относились к категории “бизнес-леди”, они оценивали свой статус по собственным достижениям, а не по успехам мужа или отца. Данные для Москвы входят в противоречие с эволюционной психологической моделью, согласно которой связь между скоростью и статусом у женщин должна отсутствовать. Лишь отчасти они могут свидетельствовать в пользу эгалитарной социокультурной модели, т.к. она предполагает корреляцию между статусом и скоростью для обоих полов.

В армянской и калмыцкой выборках скорость не зависела от статуса как у женщин, так и у мужчин, что было предсказано нами изначально. Казалось бы, это противоречит эволюционной гипотезе. По-видимому, одно из объяснений кроется в частичном сохранении традиционности в данных патрилокальных культурах [Эрдниев, 1980; Тер-Саркисянц, 1998]. Хотя личная активность и целеустремленность мужчины оказывает значимое влияние на его жизненный успех, большую роль здесь продолжают играть статус семьи и ее влияние в обществе. Как следует из полученных нами данных, и в той и в другой культуре с высоким статусом мужчины ассоциируются достоинство, неторопливость, важность, уверенность и твердость походки. Чем выше статус мужчины, тем вероятнее, что он станет перемещаться более степенно.

По некоторым данным, скорость движения человека может зависеть от его эмоционального состояния: люди, страдающие от депрессии, ходят медленнее [Atzwanger, Schmitt, 1997]. В силу того что у мужчин самооценка зависит от его социально-экономического статуса в большей мере, чем у женщин, безработные мужчины могут ощущать себя более подавленно и тревожно, а скорость их движения порой падает ниже средней для женской выборки [Schmitt, Atzwanger, 1995]. В наших исследованиях достоверная связь между эмоциональным состоянием и скоростью движения обнаружена только у калмычек: чем положительнее был их эмоциональный настрой, тем быстрее они перемещались по городу.

Разумеется, в плане скорости передвижения в городе во всех трех культурах основная ставка делается на автомобиль. Индикатором высокого социально-экономического статуса в современной России, Армении или Калмыкии, в первую очередь, служит престижная марка машины и большая скорость езды.

Свидетельствуют ли результаты нашего исследования о том, что внешние индикаторы социально-экономического статуса у пешеходов отсутствуют или что в современных условиях язык тела (энергичность движений у мужчин или плавность у женщин, прямое положение тела, высоко поднятая голова и пр.) перестал играть значимую роль в выборе сексуального партнера? По-видимому – нет. Они выявили ряд об-

щих закономерностей, касающихся связи социально-экономического статуса с поведением и внешним обликом человека. Во всех трех культурах обнаружена достоверная корреляция между статусом и качеством одежды. Для мужчин, таким образом, качество одежды продолжает служить индикатором статуса и финансового благополучия, как это отмечается в 60 % культур, проанализированных Б. Лоу [Low, 2000]. Аналогичная связь в нашем случае выявлена также у женщин, что типично лишь для менее 40 % культур из списка Б. Лоу. Такая ситуация объяснима прежде всего тем, что во всех трех исследованных нами культурах браки в настоящее время заключаются по личному решению жениха и невесты, а не по договору между их родственниками, и доходы женщины зависят не только от состоятельности ее отца или мужа, но и от ее собственных заработков.

Ни в одной из трех культур не выявлено каких-либо внешних индикаторов брачного статуса в одежде или причёске. Единственным опознавательным знаком служили обручальные кольца (которые женщины носили чаще, чем мужчины).

Атлетизм и физическое здоровье мужчины в современном мире в значительной мере определяют его привлекательность для женщин [Buss, 1999; Mealey, 2000]. Это вполне объяснимо с точки зрения эволюционной адаптивности: здоровый и сильный мужчина может лучше обеспечить едой женщину и ее детей, равно как и защитить их в случае необходимости. Желание выглядеть привлекательным для женщин отчетливо проявляется в современном постиндустриальном обществе: доказательством тому является массовая спортивная культура, увлечение утренним бегом и занятиями в тренажерных залах. Мужчины с более высоким социально-экономическим статусом более склонны следить за своей физической формой, чем их менее успешные собратья. Неслучайными поэтому выглядят наши данные о том, что русские и калмыцкие мужчины с высоким статусом больше занимались спортом. Для женщин же корреляция между социально-экономическим статусом и занятиями спортом не была обнаружена. Последнее может быть связано с тем, что все женщины, независимо от статуса, хотят быть привлекательными физически и больше следят за своей внешностью, чем мужчины.

Список литературы

- Бутовская М.Л.** Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования // Этология человека на пороге XXI века. – М.: Рос. гос. гум. ун-т, 1999. – С. 12–71.
- Бутовская М.Л.** Язык тела: природа и культура. – М.: Науч. мир, 2004. – 438 с.

- Бутовская М.Л., Козинцев А.Г.** Этологическое исследование смеха и улыбки у младших школьников: роль пола и социального статуса в невербальной коммуникации // *Смех: истоки и функции* / Под ред. А.Г. Козинцева. – СПб.: Наука, 2002. – С. 43–61.
- Бутовская М.Л., Смирнов О.В.** Выбор постоянного полового партнера в среде современного московского студенчества: эволюционный анализ // *Этнографическое обозрение*. – 2003. – № 1. – С. 141–163.
- Васильев Л.С.** Этика и ритуал в трактате «Ли Цзи» // *Этика и ритуал в традиционном Китае*. – М.: Наука, 1988. – С. 173–201.
- Иванова Е.В.** Тайский этикет // *Этикет у народов Юго-Восточной Азии*. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. – С. 42–108.
- Козинцев А.Г.** Об истоках антиповедения, смеха и юмора // *Смех: истоки и функции* / Под ред. А.Г. Козинцева. – СПб.: Наука, 2002. – С. 5–42.
- Леви-Стросс К.** Печальные тропики. – Львов: Инициатива, 1999. – 568 с.
- Малявин В.В.** Китай в XVI–XVII веках: Традиция и культура. – М.: Искусство, 1995. – 287 с.
- Тер-Саркисянц А.Е.** Армяне: история и этнокультурные традиции. – М.: Вост. лит., 1998. – 400 с.
- Эрдниев У.Э.** Калмыки. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. – 302 с.
- Adang O.** Systematic observations of violent interactions between football hooligans // *In-group/out-group behaviour in modern societies* / Ed. by K. Thienpont, R. Cliquet. – Brussel: Vlaamse Gemeenschap, 1999. – P. 211–222.
- Atzwanger K., Schmitt A.** Walking speed and depression: Are slow pedestrians sad? // *New Aspects of Human Ethology* / Eds. K. Atzwanger, A. Schmitt, K. Grammer. – N. Y., 1997. – P. 190.
- Brislin R.** Understanding cultures influence of behaviour. – N. Y.: Harcourt College Publishers, 2000. – 468 p.
- Buss D.M.** Evolutionary psychology: The new science of the mind. – Boston: Allyn and Bacon, 1999. – 456 p.
- Buss D.M., Schmitt D.P.** Sexual strategies theory: An evolutionary perspective on human mating // *Psychological Review*. – 1993. – Vol. 100. – P. 204–232.
- Butovskaya M.L., Verbeek P., Ljungberg T., Lunardini A.** Multicultural view of peacemaking among young children // *Natural Conflict Resolution* / Eds. F. Aureli, F. de Waal. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – P. 423–450.
- Clark R.D., Hatfield E.** Gender differences in receptivity to sexual offers // *Journal of Psychology and Human Sexuality*. – 1989. – Vol. 2. – P. 39–55.
- Eible-Eibesfeldt I.** Human ethology. – N. Y.: Aldine de Gruyter, 1989. – 848 p.
- Ekman P.** Emotion in the human face. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 432 p.
- Fox R.** Alliance and constraint: Sexual selection in the evolution of human kinship systems // *Sexual selection and the descent of man, 1871–1971* / Ed. by B.G. Campbell. – Chicago: Aldine, 1972. – P. 282–331.
- Grammer K.** Signale der Liebe. – Hamburg: Hoffmann und Campe Verlag, 1995. – 558 S.
- Grammer K.** Sex and gender in advertisements // *Indoctrinability, ideology and warfare* / Eds. I. Eible-Eibesfeldt, F.K. Salter. – N. Y.: Berghahn Books, 1998. – P. 219–240.
- Hooff J.A.R.M., van A.** A comparative approach to the phylogeny of laughter and smile // *Nonverbal communication* / Ed. by R.A. Hinde. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – P. 209–241.
- Hume D., Montgomerie R.** Facial attractiveness signals different aspects of “quality” in women and men // *Evolution and Human Behavior*. – 2001. – Vol. 22. – P. 93–112.
- Jablonski N.G., Chaplin G.** Origin of habitual terrestrial bipedalism in the ancestor of the Hominidae // *Journal of Human Evolution*. – 1993. – Vol. 24. – P. 259–280.
- La Freniere P., Masataka N., Butovskaya M., Chen Q., Dessen M., Atzwanger K., Schreiner S., Montirosso R.** Cross-cultural analysis of social competence and behavior problems in preschoolers // *Early Education and Development*. – 2002. – Vol. 13, N 2. – P. 133–139.
- Lewin R.** Human evolution. – 3rd ed. – Oxford: Blackwell, 1993. – 526 p.
- Levine R.** A geography of time: the temporal misadventures of a social psychologist, or how every culture keeps time just a little bit differently. – N.Y.: Basic Books, 1997. – 258 p.
- Low B.** Why sex matters: A Darwinian look at human behavior. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 432 p.
- Mealey L.** Sex differences: Development and evolutionary strategies. – San Diego: Academic Press, 2000. – 480 p.
- Schieffhovel W.** Universals in interpersonal interactions // *Nonverbal communication: Where nature meets culture* / Eds. U. Segerstrale, P. Molnar. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1997. – P. 61–79.
- Schmitt A., Atzwanger K.** Walking fast – ranking high: A sociobiological perspective on pace // *Etology and Sociobiology*. – 1995. – Vol. 16. – P. 451–462.
- Thornhill R., Gandelstad S.W.** The scent of symmetry: A human sex pheromone that signals fitness // *Evolution and Human Behavior*. – 1999. – Vol. 20. – P. 175–201.
- Weisfeld G., Beresford J.** Erectness of posture as an indicator of dominance or success in humans // *Motivation and Emotion*. – 1982. – Vol. 6, N 2. – P. 113–131.
- Wirtz P., Ries G.** The pace of life reanalyzed: why does walking speed of pedestrians correlate with city size? // *Behaviour*. – 1992. – Vol. 123. – P. 77–83.

Материал поступил в редколлегию 01.03.04 г.